ИСТОРИЯ

К 125-летию установления дипломатических отношений между Россией и Эфиопией

РОССИЙСКО-ЭФИОПСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ОТ НАЧАЛА К СТАНОВЛЕНИЮ

© 2023 A.B. Хренков

XPEHKOB Андрей Вальтерович, кандидат исторических наук, советник Министерства иностранных дел России, e-mail: andhorse59@yandex.ru

Аннотация. В статье говорится о предпосылках, первых шагах и становлении русскоэфиопских отношений. В ней рассматриваются движущие причины сближения России и Эфиопии. Анализируются характер, главные направления сотрудничества и особенности этих отношений на разных исторических отрезках. Раскрывается роль отдельных лиц, оставивших заметный след в русско-эфиопских отношениях до 1917 года.

Ключевые слова: Россия, Абиссиния, Эфиопия, дипломатические отношения

DOI: 10.31132/2412-5717-2023-64-3-93-109

Вековое противоборство с Турцией за выход к южным морям подталкивало Россию к поиску любых союзников в борьбе с османами. В конце XVII столетия в России узнали, что одним из таких союзников может оказаться для нее Эфиопия, или, как ее тогда называли, Абиссиния – единственная христианская страна Африки, и притом тоже боровшаяся с турками за выход к морю.

Император Петр I планировал установить контакты с Абиссинией и даже предпринял некоторые шаги в этом направлении. Однако довести дела до конца не успел.

Но сведения об Эфиопии продолжали в России накапливаться, преимущественно через переписку с церковными иерархами на Ближнем Востоке. В 1751 г. через александрийского патриарха Матфея в Россию попали письма негуса Эфиопии Иясу I и его матери Мэнтеуаб (в русском переводе ее именуют Марфой. – A.X.). В этих письмах выражалось желание к воссоединению с православной церковью и содержалась просьба прислать к ним священников и мастеровых разных ремесел [1]. В письме же самого Матфея к императрице Елизавете Петровне приводятся любопытные сведения об Эфиопии, а также способах сношения с нею через Средиземное и Красное моря [2].

Особенно большой вклад в ознакомление с этой страной внес начальник учрежденной в 1847 г. Русской православной духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Порфирий Успенский, установивший добрые отношения с эфиопскими христианами и оказывавший им некоторое покровительство в этом городе. Порфирий Успенский первым из русских деятелей детально обосновал в своих трудах, а также в докладных записках

в министерство иностранных дел и Святейший Синод выгоды и преимущества политического и религиозного сближения России и Эфиопии. [3] Однако начавшаяся Крымская война (1853–1856 гг.) и поражение в ней России отодвинули эту перспективу на несколько десятилетий.

Постепенно все больше узнавали о России и в Эфиопии. Этому способствовали контакты с греками и армянами, бежавшими в Эфиопию от турецких погромов. Позже российский посол в Афинах М.К. Ону писал: «До прихода итальянцев (...) все сношения Абиссинии с Россией шли исключительно чрез посредство греков или Абиссинских монахов у Гроба Господня (...) и можно сказать только от греков в Абиссинии узнали о существовании великой единоверной России» [4].

С середины XIX в. попытки контактов возобновились. В 1850-х гг. император Эфиопии Теодрос II (1855–1868 гг.) направлял письма русскому царю с предложением был союза против турок [5]. Любопытно, что самая мощная мортира, имевшаяся в то время в эфиопской армии, была названа Теодросом «Севастополем» в честь русского города, прославившегося в Крымскую войну [6].

Преемник Теодроса II император Йоханныс IV (1872–1889 гг.) также предпринимал попытки завязать отношения с Россией. Он трижды отправлял письма русскому императору Александру II, пользуясь разными оказиями. С одним из этих писем в дар русскому царю послан и золотой крест¹, а в письме содержалась просьба о назначении русского консула в Абиссинию [7]. Однако в то время в России сочли такой политический шаг преждевременным.

Новый всплеск интереса к Эфиопии наметился в конце 70-х — начале 80-х гг. XIX столетия. После победы над Турцией в 1878 г. в околоправительственных кругах России стало крепнуть убеждение, что ей следует играть более значительную роль на Ближнем Востоке и в прилегающем к нему регионе Северо-Восточной Африки. Идея установления прямых связей с Эфиопией снова входила в разряд актуальных.

Особенно активно ратовал за это генеральный консул в Каире (в 1884–1886 гг.) М.А. Хитрово. Он считал, что заинтересованная в союзе с Россией Эфиопия может стать противовесом британскому военному присутствию в Египте и итальянским колониальным проискам в Красноморье.

Хитрово отмечал выгодное стратегическое положение этой страны вблизи важных морских путей. В то время Эфиопию отделяла от Красного моря сравнительно узкая и пустынная полоса земли, населенная кочевыми племенами. За обладание разными частями этой береговой полосы, протянувшейся с севера на юг от Массауа до Зейлы, развернулось в 1880-е гг. соперничество между Англией, Францией, Италией и Эфиопией, добивавшейся выхода к морю и стремившейся вернуть себе когда-то принадлежавшую ей бухту Массауа. Хитрово считал, что поддержка в этом усилий императора Йоханныса сулит России политические и экономические выгоды. В частности, он писал: «Мы могли бы обеспечить для себя в будущем благонадежный угольный склад и прекрасную стоянку в Чермном (т.е. Красном – А.Х.) море для наших военных судов дальнего плавания» [8].

В министерстве иностранные дел проекты М.А. Хитрово встретили однако без энтузиазма. Тогда он попробовал действовать окольными путями, тем более, что у него в России нашлись сторонники, притом довольно влиятельные. Целый ряд косвенных дан-

¹ По свидетельству консула в Иерусалиме В. Кожевникова, крест был не золотой, а серебряный, позолоченный. Речь же идет о письме, датированном 1872 г. Само оно сохранилось в архивах только в переводе.

ных указывает на то, что именно Хитрово подсказал Н.И. Ашинову² идею экспедиции в Эфиопию, предпринятую последним в 1885–1886 гг.

Ашиновская авантюра. Н.И. Ашинов, именовавший себя атаманом «вольных казаков»³, стал известен российскому МИДу в 1885 г., когда притворно дал согласие на предложение британского агента в Константинополе сэра Друмонда Вольфа организовать ряд вооруженных диверсий на строящейся в то время Закаспийской железной дороге, но, получив задаток в 20 тысяч фунтов стерлингов (громадные по тем временам деньги), не только «кинул» англичан, но и выдал их планы российскому послу в Константинополе А.И. Нелидову.

Атаман контрабандистов показался М.А. Хитрово подходящей кандидатурой для давно вынашиваемой рекогносцировочной поездки в Эфиопию. В свою очередь Ашинов искал на время надежного укрытия от разыскивающих его британских агентов и ухватился за новое предприятие с энтузиазмом. В случае успешного исхода предприятия, он рассчитывал на покровительство российского правительства. Сформировав небольшой отряд добровольцев, он в конце 1885 г. отправился на африканское побережье. По пути из Константинополя в Массауа Ашинов сделал остановку в Египте, где повидался с М.А. Хитрово и получил от него напутствие, как ему надлежит вести дела в Абиссинии.

Сам дипломат, ведя с министерством двойную игру, сообщил в Петербург об отъезде Ашинова в Абиссинию в самых уклончивых выражениях и отмежевался от своего поощрения данного предприятия [9]. Между тем спутник Ашинова в его поездке в Эфиопию С.Н. Кантемир свидетельствовал позже, что генконсул в Каире лично провожал атамана и его спутников на пароход до Массауа [10].

Этот красноморский порт был только недавно оккупирован итальянцами. Высадившись там, Н.И. Ашинов натолкнулся на противодействие местной администрации, которая не желала пропустить его и его людей вглубь страны. Тогда Ашинов заявил, что он якобы откомандирован на поиски пропавшего в Африке русского путешественника В.В. Юнкера, и был пропущен. Ему удалось благополучно добраться до Асмэры (нынешняя столица Эритреи), где он был тепло принят влиятельным вельможей и лучшим полководцем Йоханныса IV расом Алулой⁴, которого Ашинов сумел, кажется, убедить в том, что он является в России важной персоной. Атаман добивался свидания и императором, но Йоханныс его не принял, так как Ашинов не имел при себе ни верительных грамот, ни других официальных рекомендаций, подтверждающих, что он послан русским правительством.

Тем не менее Ашинов своей поездкой остался доволен и весьма дружески распрощался с расом Алулой, с которым у него за несколько месяцев пребывания в Эфиопии установились доверительные отношения. Возвратившись в Россию, Ашинов принялся энергично действовать в пользу установления прямых отношений с Абиссинией. В отличие от Хитрово, он не был скован чиновничьими рамками и служебной дисциплиной,

² Николай Иванович Ашинов (1856–1902) — авантюрист, объявивший себя атаманом «вольных казаков». В действительности ни к одному казачьему войску приписан не был. После своего путешествия в Абиссинию (1885–1886) издал «Абиссинскую азбуку и начальный абиссино-русский словарь» (С.-Петербург, 1888 г.).

³ Так называемое «вольное казачество» представляло собой аморфное сообщество, значительную часть которого составляли выходцы из России или Закавказья, по тем или иным причинам переселившиеся в Турцию. Кроме беглых казаков-некрасовцев, оно объединяло курдов, черкесов и др. Занимались они в основном контрабандой, сопровождением караванов через границу, а иногда и промышляли грабежом.

⁴ Рас Алула Энгида (1827–1897 гг.) – один из крупнейших военачальников эфиопской армии второй половины XIX в., ближайший сподвижник Йоханныса IV, победитель итальянцев в битве при Догали (1887 г.).

и принялся бомбардировать своими проектами сразу несколько правительственных ведомств, а также славянофильские организации и купеческие круги.

Главными пунктами его плана были: 1) основание русской колонии на побережье Красного моря с портом для стоянки и бункеровки углем русских военных и торговых судов; 2) направление в Эфиопию православной религиозной миссии в противовес действующим там западным миссионерам, причем нынешних коптских архиепископов должны были заменить, по мысли Ашинова, русские архиереи; 3) развитие прямой российско-эфиопской торговли; 4) заключение между двумя странами военно-политического союза, направленного против Великобритании и Италии. Кроме того, откликаясь на просьбу раса Алулы, Ашинов ходатайствовал о поставке в Эфиопию русского оружия и направлении туда военных инструкторов.

В министерстве иностранных дел его планы не встретили поддержки. Но, потерпев неудачу там, Ашинов обратился в другие ведомства. И здесь проявились его умение ловко использовать ведомственные интересы в своих целях.

В своем обращении в Святейший Синод Ашинов пишет, что Эфиопия якобы жаждет воссоединиться с православием, тяготится копскими епископами, за которых ей к тому же приходится дорого платить, и хотела бы видеть у себя русских архиереев [11].

В письмах к главе морского министерства адмиралу И.А. Шестакову атаман делает упор на выгоду для России иметь порт на Красном море с угольной станцией для заправки углем судов, следующих через Суэц на русский Дальний Восток. Прося И.А. Шестакова поддержать свой план, Ашинов обещает полную конспиративность в его осуществлении и заверяет адмирала, что «будет сие сделано гладко и никто не будет знать (...) и (...) с Божьей помощью услужим Царю-Батюшке и Ваше имя осталось бы навек в русской истории (...) и порт тот был бы как бельмо на глазу у Англичан» [12].

В беседе с начальником Главного штаба генерал-адъютантом Н.Н. Обручевым Ашинов указывал на стратегически-выгодное положение Эфиопии по отношению к английским колониям в Африке и на преимущества военно-политического союза с этой дружественно настроенной к России страной [13].

В морском министерстве предложения Ашинова попали на подготовленную почву. Адмирал И.А. Шестаков, озабоченный усилением тихоокеанской эскадры и проблемой переброски кораблей русского флота с Балтики на Дальний Восток, оценил значение для России собственного красноморского порта и согласился, хотя и далеко не сразу, оказать некоторое содействие задуманному атаманом предприятию.

Религиозная часть проекта Ашинова, связанная с посылкой в Эфиопию духовной миссии, тоже, в конце концов, сдвинулась с места, встретив поддержку ряда высших иерархов Русской православной церкви, а позднее и прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева.

Митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Исидор пообещал Ашинову свое содействие и сказал, что подумает над кандидатурой священника, способного возглавить духовную миссию. Однако Ашинов уже решил, что самым подходящим для него компаньоном будет управляющий Пантелеймоновским русским подворьем в Константинополе отец Паисий, с которым он был хорошо знаком, и именно на него указал митрополиту.

В военном министерстве Ашинову повезло меньше. Генерал Н.Н. Обручев, у которого атаман просил 10 тысяч винтовок и один миллион патронов для вооружения абиссинской армии, в просьбе отказал, справившись предварительно об Ашинове в МИДе и получив о нем отрицательный отзыв [14].

Исчерпав возможности в получении помощи от официальных властей, Ашинов начал искать поддержки у коммерсантов и финансовых воротил, для чего отправился в

Нижний Новгород на тамошнюю ежегодную торгово-промышленную ярмарку. Некоторые представители бизнеса идеей атамана заинтересовались, однако заявили, что желали бы получить гарантии поддержки со стороны правительства. Таких гарантий Ашинов дать не мог, а потому решил сначала подкрепить свои позиции.

В марте 1888 г. атаман с небольшим числом добровольцев вновь отправился в Африку, рассчитывая подыскать на красноморском побережье подходящее место для основания задуманной им станицы «Новая Москва». Кроме того, он намеревался вновь посетить Абиссинию и уговорить раса Алулу, а через него Йоханныса IV направить в Россию эфиопских духовных лиц для участия в торжествах по поводу 900-летия крещения Руси, которые планировались летом 1888 г. в Киеве.

Он высадился в Таджурском заливе⁵ и, подыскав место с хорошим источником воды в районе заброшенного турецкого форта Сагалло, заключил соглашение с двумя местными данакильскими вождями⁶ об уступке этого места под русское поселение. Переговоры с ними велись через мичмана зафрахтованного Ашиновым российского парохода «Кострома» Шейха Ашири, знавшего арабский язык. Помимо письменного соглашения, заверенного тем же Ашири, Ашинов получил от упомянутых вождей (атаман называет их султанами) еще и письмо к царю с просьбой принять их под русский протекторат [15].

При этом французские колониальные власти Джибути, в зоне ответственности которых находилась указанная местность, ничего не знали ни о переговорах, ни о заключенном соглашении. Ашинов не счел нужным их в том уведомить.

Заполучив в свое распоряжение этот документ, Ашинов изменил свои планы и решил немедленно вернуться в Россию, рассчитывая торжественно преподнести русскому императору его новое красноморское владение. Поездка в Абиссинию была отложена, тем более, что сроки уже поджимали. Атаман решил поступить по-другому. По дороге в Россию он заехал в Иерусалим, где встретился с настоятелем эфиопского монастыря архимандритом Гийоргисом Вольде Сымматом и уговорил его отпустить с ним в Россию двух монахов на торжества по случаю 900-летия Крещения Руси, пообещав им щедрые пожертвования. В России Ашинов успешно выдавал этих монахов за посланцев эфиопского императора Йоханныса IV и вскоре был приглашен вместе с ними на торжества в Киеве.

Эта мистификация принесла Ашинову временный успех. На его идею о посылке в Абиссинию православной духовной миссии смотрели уже более благосклонно. Митрополит Исидор, идя навстречу Ашинову, возвел отца Паисия в ранг архимандрита [16] и благословил его возглавить духовную миссию, позволив к тому же собирать на нее пожертвования. Вскоре, однако, мистификация Ашинова с «посланцами негуса» открылась, и реноме бравого атамана, создававшееся ему славянофильскими газетами, было безнадежно испорчено. Ашинову было отказано в уже назначенной аудиенции у Александра III, которому он собирался лично изложить свой проект.

К обману с монахами добавился вскоре и скандал по поводу «Новой Москвы». Вскоре выяснилось, что это поселение существует только в мечтах Ашинова, а атаман зовет людей на голое место. Российский МИД постарался воспрепятствовать отправке в Африку русской духовной миссии, призвав и прочие правительственные ведомства отказать в поддержке авантюры Ашинова, что и было исполнено.

 $^{^{5}}$ Таджурский залив находится ныне на территории Республики Джибути (бывшее Французское Сомали).

⁶ Данакильцы – прежнее, ныне устаревшее, название народности афар, одного из двух крупнейших этносов нынешней Республики Джибути.

Тогда атаман решился осуществить проект на свой страх и риск за счет собственных средств и тех пожертвований, которые уже удалось собрать отцу Паисию. Он надеялся, что успех его затеи принесет ему славу, а победителей, как известно, не судят.

10 декабря 1888 г. пароход «Адмирал Корнилов» с погрузившимися на него ашиновцами вышел из одесского порта. Численность экспедиции превышала 150 человек, из которых примерно треть считались членами и «послушниками» собственно «духовной миссии», а еще около сотни человек составляли ее «казачий конвой», предназначенный для охраны миссии на месте от нападений туземцев. Номинально руководителем всей экспедиции считался отец Паисий, но фактически всем заправлял Ашинов. Именно он оплачивал фрахт парохода «Адмирал Корнилов», а затем и австрийского судна «Амфитрида», которое доставила ашиновцев в Таджурский залив.

Неприятности у них начались еще в дороге. Дело в том, что министерство иностранных дел, не сумев предотвратить отъезд миссии, поспешило разослать российским дипломатическим представителям за границей циркуляр, в котором заявляло, что «предприятие Архимандрита Паисия есть совершенно частное» и что императорское правительство ему не сочувствует [17]. В результате на всем пути следования миссии российские дипломаты не оказывали ее участникам никакого содействия и уклонялись от контакта с ними.

Узнав о высадки большой партии русских вблизи порта Обок (тогдашний административный центр французской колонии) и занятии ими заброшенного форта Сагалло, французы потребовали от Ашинова либо поднять над фортом французский флаг, либо же очистить занимаемую территорию. После отказа Ашинова сделать это, русское поселение, названное им «Новой Москвой», было обстреляно с моря французской эскадрой (несколько человек при этом было убито и ранено). Затем был высажен морской десант, ашиновцы интернированы и заключены под стражу в Обоке. Позже они были переданы на борт русского судна для возвращения в Россию.

Это жестокая расправа, не оправданная необходимостью, произвела удручающее впечатление как на российскую, так и на французскую общественность, особенно в условиях намечавшегося франко-русского союза. Впрочем, союз с Россией против Германии был нужен Парижу только в Европе, но отнюдь не в Африке, где Россия воспринималась уже конкурентом. Французские колониальные власти с опасением отнеслись к появлению у них под боком ашиновцев. Лондон и Рим со своей стороны также оказали давление на Париж, требуя изгнания русских из Красноморья. Косвенным виновником трагического исхода оказался и российский МИД, т. к. демонстративно самоустранился от разрешения конфликтной ситуации с участием русских подданных и официально предоставил французскому правительству право принимать по отношению к сподвижникам Ашинова «те меры, которые признаются необходимыми для сохранения французских интересов на этой территории» [17]. А сложись для Ашинова все немного удачнее, окажи ему правительство поддержку и, возможно, российская империя получила бы в конце XIX в. свой порт на Красном море.

Экспедиции В.Ф. Машкова и их политическое значение (1889–1892 гг.). В то время, когда подготовка ашиновской «духовной миссии» уже шла полным ходом, в военном ведомстве России без лишнего шума готовилась собственная экспедиция в Эфиопию, разведывательно-рекогносцировочная по своему характеру. Ее инициатором выступил поручик В.Ф. Машков. Интерес военного министерства к Эфиопии обуславливался антибританскими настроениями, господствовавшими в то время в русской военной среде и в обществе в целом в связи с обострением англо-российского соперничества в Центральной Азии. Поддержка идеи Машкова о поездке в Абиссинию основыва-

лась на допущении, что активность России в Африке позволит в перспективе создать определенные трудности Великобритании в реализации ее имперской политики.

Записка Машкова с проектом одиночной поездки в Эфиопию под видом частного путешественника понравилась военному министру П.С. Ванновскому. Благоприятное впечатление произвели на генерала весьма основательные познания автора как о самой Эфиопии, так и о прилегающих к ней областях. Кроме того, Машков сумел очень убедительно обосновать важность красноморского региона с точки зрения геостратегических интересов России. П.С. Ванновский направил записку поручика в МИД.

В министерстве иностранных дел тоже с интересом отнеслись к его проекту. Хотя бы уже потому, что он представлял собой разумную альтернативу авантюристическим прожектам Ашинова, не склонного оглядываться на международную обстановку.

Машков отправился в Эфиопию в начале 1889 г., надеясь использовать лагерь ашиновской «миссии» для подготовки собственного путешествия вглубь страны, но, когда он прибыл в Обок, с «Новой Москвой» было уже покончено. Губернатор Обока Л. Лагард, стараясь загладить вину за пролитую в Сагалло кровь и еще не зная, как отреагируют Париж и Петербург на бомбардировку русского лагеря, не только не стал чинить препятствий к путешествию русского офицера вглубь страны, но даже помог ему с формированием каравана.

Летом того же года Машков добрался до тогдашней столицы Эфиопии Энтото, где состоялась его личная встреча с императором Менеликом II, лишь недавно взошедшим на престол после смерти Йоханныса IV. Новый монарх заверил Машкова в давнем расположении эфиопов к России. Прощаясь с русским офицером, которому не позволяла надолго задерживаться в Эфиопии скудость отпущенных ему на путешествие средств, Менелик вручил Машкову письмо к императору Александру III. В нем говорилась о симпатиях, которыми пользуется в Эфиопии «единоверная Россия» и выражалось желание установить более тесные отношения [18].

По возвращении в Петербург путешественник был тепло принят в правительственных и научных кругах. В канцелярию военного министерства Машков представил подробный отчет о своей поездке, копии которого были направлены в МИД и лично царю. Александр III принял его во дворце и наградил орденом Св.Владимира IV степени, что для младшего офицера было исключительно высокой наградой. Русское географическое общество приняло В.Ф. Машкова в ряды своих действительных членов и наградило малой серебряной медалью. Военное ведомство оплатило все долги, которые путешественник вынужденно наделал во время своей поездки в Африку.

В 1891 г. В.Ф. Машков вновь был командирован в Эфиопию уже как член Русского географического общества и — полуофициально — как курьер правительства с ответным письмом российского монарха. Ответ, подготовленный в Азиатском департаменте МИД, был составлен в достаточно общих выражениях. В нем говорилось, что сближение с Эфиопией соответствует намерениям России, но не упоминалось ни о сроках, ни о формах предполагаемого сближения [19]. В подготовке новой экспедиции приняло участие сразу три правительственных ведомства — военное министерство, МИД и Святейший Синод. Участие последнего объяснялось включением в состав экспедиции двух духовных лиц — иеромонаха Тихона (Оболенского) и причетника, на которых возлагалась задача выяснить степень догматической близости эфиопской и русской церквей и принципиальную возможность их сближения в будущем.

Как и в первый раз, Петербург попытался замаскировать свое прямое участие в организации экспедиции. Однако британцы скоро разузнали, что императорское правительство тесно связано с этим предприятием и опасались, как бы миссия Машкова не стала началом серии «африканских побед» российской дипломатии [20]. В глазах Лон-

дона русская активность в Эфиопии укладывалась в рамки ожидавшегося франко-русского противостояния британской экспансии в Африке. Страхи и подозрения англичан подкреплялись предупредительным отношением французских колониальных властей к экспедиции В.Ф. Машкова. Они не только помогли ему с формированием каравана, но и обеспечили экспедицию вооруженным эскортом от побережья до границ Эфиопии. Это усилило подозрения Лондона в том, что французы ожидают выгод для себя от сотрудничества с Россией в Эфиопии.

В Петербурге также придавали серьезное значение этой экспедиции. Как мы уже сказали, она задумывалась как смешанная, светско-духовная. То есть преследовались не только политические и военно-разведывательные, но и религиозные цели. Однако выполнение последней задачи дало сбой уже на начальном этапе. Оказавшись в Джибути в самый жаркий сезон года (температура на побережье превышала 50 градусов в тени, а Машков и причетник получили солнечный удар и слегли почти на две недели), иеромонах Тихон, совершенно изнемогший от жаркого климата и убоявшись еще больших тягот и опасностей при переходе через Данакильскую пустыню (циркулировали слухи о готовящемся разбойном нападении на экспедицию), отказался следовать с Машковым дальше («я монах – с меня головы не снимут») и из Джибути вернулся вместе с причетником Григорием обратно в Одессу⁷.

Между тем, эта экспедиция должна была стать пробным шаром. Ей предстояло дать ответ, стоит ли России связываться с Эфиопией и если да, то в каких сферах и до каких пределов. В материальном плане эта поездка была подготовлена гораздо более основательно. Кроме разнообразного походного снаряжения, Машков вез с собой несколько ящиков с царскими подарками императору Менелику и его придворным.

Менелик встретил путешественника как старого друга и относился к нему с исключительным вниманием и заботой. Он даже отложил свою поездку на север страны, узнав, что русский гость тяжело заболел тифом, и прислал своего лекаря. Когда же Машков выздоровел, обрадованная императорская семья прислала ему в подарок целый ящик французского шампанского – что было целым состоянием по тогдашним эфиопским ценам [21].

В новом письме Александру III, отправленном с Машковым в марте 1892 г., Менелик писал, что он был обманут итальянцами и просил Россию поддержать его протест против итальянской трактовки Уччиальского договора⁸ [22].

В другом письме, адресованном военному министру П.С. Ванновскому, эфиопский император просил прислать ему военных инструкторов для реорганизации армии по европейским образцам [23]. Обращение с этим вопросом к военному министру, а не к императору России, дает основание предполагать, что второе письмо было написано по подсказке В.Ф. Машкова, который надеялся, вероятно, реализовать свой давний план отправки в Эфиопию русской военной миссии.

На обратном пути из Аддис-Абебы во время короткой остановки в Харэре Машков был принят расом Мэконныном⁹, являвшимся в то время вторым лицом в государстве и

⁷ Перед своим начальством иеромонах оправдывался тем, что поручик Машков самовольно взял с собой в экспедицию женщину, свою сожительницу, что, по словам отца Тихона, дискредитировало духовную задачу экспедиции.

⁸ Итальянский и эфиопский тексты Уччиальского трактата от 2 мая 1889 г. не совпадали. В итальянском переводе договора Эфиопия якобы давала согласие на протекторат Италии над собой, однако в эфиопском тексте такого согласия не содержалось. См.: Цыпкин Г.В. Эфиопия: от раздробленности к политической централизации М., Наука, 1980, с.190–192.

⁹ Мэконнын Уольдэ-Микаэль (1852 – 21.03.1906) – эфиопский государственный и военный деятель, рас, двоюродный брат Менелика II и до 1906 года официальный наследник престола. Отец императора Эфиопии Хайле Селассие I.

официальным наследником престола. Рас передал Машкову письмо к наследнику российского престола великому князю Николаю Александровичу, в котором жаловался на европейцев, которые «окружили нас, вторглись в наши границы, чтобы лишить нас независимости». Рас заверял, что только в русских эфиопы видят своих истинных друзей и единоверцев [24]. В письме была и личная просьба раса к российскому цесаревичу дать военное образование двум эфиопским мальчикам из знатной харэрской семьи Уонди, которые были отправлены в Россию с Машковым¹⁰.

Результатами второй экспедиции Машкова в России были недовольны. Более того, ее сочли откровенно неудачной. В итоге Петербург остался и даже более утвердился в прежнем мнении, что России не следует пока обременять себя вмешательством в эфиопские дела. Неудачная попытка задействовать для сближения с Эфиопией религиозный фактор вызвала разочарование в высших сферах и охладила пыл придворных православно-клерикальных кругов. К тому же текущая военно-политическая ситуация, складывающаяся вокруг Эфиопии, заставляла Петербург сомневаться в способности Менелика II отстоять независимость своей страны. А потому с ответом на письма негуса решили не спешить, а посмотреть, как события будут развиваться дальше.

В Эфиопии об этом, естественно, не догадывались. Там недоумевали, почему Россия медлит с ответом на просьбу об оказании помощи и с нетерпением ждали возвращения царского посланца с ответным письмом Менелику, оружием и инструкторами для эфиопской армии. Однако правительство не сочло нужным тратиться на новую поездку Машкова. Более того, Машкову ставили в вину провал религиозной части миссии, неспособность ладить с сотоварищами, неаккуратность в расходе отпущенных средств и другие прегрешения. Былое благоволение к нему военного министра сменилось неприязнью, и он был вынужден вскоре подать в отставку [25].

При всем том значение экспедиций Машкова, несмотря на их скромные результаты, не следует недооценивать. Благодаря Машкову состоялся первый в истории двух стран обмен письмами между российским и эфиопским императорами. Это открывало возможности для продолжения контактов.

Будучи наблюдательным и вдумчивым землепроходцем, Машков сумел собрать достаточно подробную и притом наиболее свежую информацию о политическом и военном положении Эфиопии и соседних с нею областей. Опубликовав в газете «Новое время» цикл очерков об Абиссинии, он впервые познакомил широкого российского читателя с этой африканской страной, что не замедлило сказаться уже в самом ближайшем будущем. Машков по существу открыл Эфиопию для русских путешественников. После его экспедиций не проходило и года, чтобы в Эфиопию не отправлялся кто-нибудь из русских.

Экспедиция Елисеева-Леонтьева. Эфиопская миссия 1895 г. в Россию. Новая российская экспедиция отправилась в Эфиопию 3 января 1895 г. Во главе ее стояли два члена Русского географического общества (РГО) – известный путешественник-востоковед А.В. Елисеев, военный врач по профессии, и гвардии поручик запаса Н.С. Леонтьев, имевший уже опыт путешествия по Персии. В отличии от экспедиций В.Ф. Машкова данное предприятие было действительно частным. Оно финансировалась на личные средства Леонтьева, состоятельного херсонского помещика.

Помимо Елисеева и Леонтьева, в состав экспедиции входили еще два участника – отставной капитан К.С. Звягин и иеромонах Ефрем (Цветаев – тоже из бывших офицеров). Путешествие планировалось под эгидой РГО, которое выдало путешественникам

 $^{^{10}}$ По дороге, еще в Джибути, один из мальчиков скончался от малярии.

соответствующие рекомендательные письма к местным властям. Некоторое содействие в снаряжении экспедиции оказало военное министерство, снабдив ее членов научными приборами и отпустив из арсеналов некоторое количество винтовок для защиты от возможных нападений кочевников, а также в качестве подарков туземным вождям и местным феодалам.

Планы отправки новой русской экспедиции в Эфиопию вызвали большую тревогу в Риме. Италия поручила своему послу в Петербурге оказать давление на царское правительство с целью воспрепятствовать этой поездке, а когда сделать это не удалось, раздраженный римский кабинет временно отозвал своего посла из Петербурга [26]. Зато французские власти Джибути, побуждаемые к тому из Парижа, оказали экспедиции самый радушный прием. Для русских был устроен торжественный банкет, городок украшен российскими и французским флагами. Л. Лагард распорядился взять содержание экспедиции в Обоке на счет французской казны и дал ей в сопровождение до границ Эфиопии вооруженный эскорт туземной милиции [27]. Отчасти это объяснялось тем, что русско-французский союз переживал в это время свой «медовый месяц».

Торжественный прием русских путешественников в Джибути, а затем и в Эфиопии заронил в сознание поручика Леонтьева мысль придать экспедиции не столько научное, сколько политическое направление. 29 января 1895 г. в письме в Россию он писал: «... Несмотря на наше старание быть везде только ученою экспедициею, мы служим предметом большого внимания со стороны французов и англичан и нескрываемых опасений со стороны итальянцев (...) император Менелик ожидает нас с нетерпением и весьма преувеличенного мнения о нашем значении. Он дал распоряжение приготовить для нас конвой в Хараре...» [28].

По мере продвижения экспедиции вглубь страны намерение Леонтьева придать ей вид политической миссии все более крепло, а после того, как в Харэре рас Мэконнын приветствовал русских залпами артиллерийского салюта и устраивал в их честь обильные пиры, оно оформилось окончательно.

Надо заметить, что такому приему в Эфиопии экспедиция была отчасти обязана предшествующим путешествиям В.Ф. Машкова. Возвращения Машкова с нетерпением ждали, и появление русской экспедиции, более многочисленной и представительной, чем прежде, в период, когда страна уже фактически находилась в состоянии войны с Италией, расценивалось здесь не иначе, как свидетельство русской поддержки. Не будучи осведомленными об истинных целях экспедиции, эфиопские власти в какой-то мере сами ввели себя в заблуждение, приняв ее за официальную миссию. Частично способствовали этому и французы, известившие раса Мэконнына, «что к ним едут из России великие люди» [29].

Оказанный экспедиции прием побудил жаждущего политической славы Н.С. Леонтьева скрыть от властей ее частный и исключительно научный характер. Стремление Леонтьева политизировать цели экспедиции, его замашки политического авантюриста привели к конфликту с А.В. Елисеевым. В результате последний был вынужден покинуть экспедицию, дойдя с ней только до Харэра. Чтобы не афишировать конфликта, его отъезду нашли благовидный предлог: в Петербург телеграфировали, что доктор Елисеев временно возвращается в Россию, чтобы доставить императору Николаю II льва в подарок от раса Мэконнына [30]. Однако в частных письмах Елисеев правды не скрывал. Из Харэра он писал: «Добрался я со своими товарищами до Харара, но дальше моих сил не хватает, и я возвращаюсь. Леонтьев старается в своих письмах придать какойто особенный характер моему возвращению, будто бы имеющему главною целью ходатайствовать за дальнейшее попущение его квази-научных предприятий, но я возвращаюсь по собственной воле (...) и во всяком случае без намека на открытую ссору с това-

рищами. Причины Вам хорошо известны, а роль, которую занял Леонтьев (...) стала невыносимой для меня (...) он (...) совершенно оттер нас и принял на себя роль политического деятеля (...) В Хараре нас действительно приняли по-царски, и Леонтьев сейчас же, с первого шага, начал вести политическую роль. Он ходил на тайные совещания с расом Маконеном, много ему обещал, устраивал абиссинское посольство в Россию и т.д., так что рас, пользующийся огромным влиянием на негуса, просто возликовал. Они идут теперь в Антото (Энтото. – A.X.) обделывать негуса, на что надеются, и, бог знает, к чему приведет этот маскарад (...) В общем, все это смахивает не Ашиниаду (...) Иеромонах давно сделан монсеньором, а π – скромным врачом при блестящей экспедиции. Теперь рас Маконен отправляет со мной молодого льва в Россию в подарок Государю, придется везти, но что я с ним буду делать в дороге...» [31].

После отъезда Елисеева уже ничто не удерживало Леонтьева от взятой им на себя роли «политического деятеля». Он без тени смущения представлялся полковником и распространял слухи, что он «брат царя». Звягин сделался «генералом», а отец Ефрем «епископом». Леонтьев уже не называл свою партию научной экспедицией. Она выросла до ранга «официальной правительственной миссии» [32].

Подтверждением того, что экспедицию Леонтьева принимали в Эфиопии именно за официальную миссию может служить не только ее торжественный прием на пути следования до столицы, превратившийся в триумфальное шествие, но и возникшее у Менелика после переговоров с Леонтьевым намерение отправить в Россию «ответную» правительственную миссию.

Таким образом, политическая авантюра Леонтьева, как ее называл А.В. Елисеев, в отличие от ашиновской, увенчалась успехом. Менелик либо поверил, либо сделал вид, что поверил (я склоняюсь к последней версии), что руководитель экспедиции действительно наделен некими полномочиями делать заявления от имени русского правительства. Для Эфиопии поддержка России в преддверии войны с Италией была крайне важна, и Менелик охотно ухватился за поданную ему идею отправить в Россию собственное посольство. Формально лишь для того, чтобы почтить память недавно скончавшегося императора Александра III, возложить золотой венец на его могилу и поздравить его сына и наследника с восшествием на престол. Неформально – чтобы продемонстрировать Европе свою независимость от Италии в международных контактах и, если удастся, получить от России военно-политическую поддержку, которую ему щедро обещал Леонтьев. Весьма удобной представлялась и оказия. Леонтьев вместе с членами возвращающейся назад экспедиции брался доставить эфиопскую делегацию в Санкт-Петербург. Естественно, все научные проекты экспедиции с планами посещения различных областей Абиссинии были позабыты ради главной, политической, цели.

Во главе посольства были поставлены дальние родственники Менелика II — лиджи (принцы) Дамто и Беляччио, далеко не первые лица в эфиопской придворной иерархии, но зато прекрасно говорившие по-французски 11 .

По просьбе Леонтьева Менеликом был составлен и утвержден список русских чиновников и генералов, которых, по мнению поручика, следовало бы наградить эфиопскими орденами. Заметим, до Леонтьева обычая награждать орденами в Эфиопии не было. Не существовало также и орденов как таковых. Традиционными знаками отличия здесь служили головные повязки или накидки из львиных и леопардовых шкур, так называемые лемды, а также золотые серьги, подвески, парадное оружие и т.д. По свидетельству ряда современников, европейский обычай награждать орденами был заведен в

¹¹ В состав миссии входили также кеньязмач (эфиопский военно-феодальный титул, приблизительно соответствовавший полковнику) Генемье и харэрский священник Гэбре Екзиабхер.

Эфиопии с легкой руки Н.С. Леонтьева. Им же якобы были выполнены и эскизы двух первых орденов Эфиопии: Эфиопской Звезды (трех степеней) и Печати Соломона (Менелик II — представитель династии Соломонидов). Некоторыми историками это оспаривается, но не подлежит сомнению, что практика широкой раздачи орденов иностранцам (а в первое время орденами в Эфиопии награждали только иностранцев) началась именно по почину Леонтьева.

В начале июля 1895 г. эфиопское посольство прибыло в Петербург и было принято императорским семейством. Леонтьев и здесь не удержался от мистификации. Он без тени смущения «произвел» Дамто и Белаччио, имевших чин фитаурари¹², в принцев крови, кеньязмача Генемье – в генералы, а священника Гэбрэ Егзиабхера представил «епископом Харэрским» [33].

Все члены посольства получили российские награды. Не остались без наград и члены экспедиции. Леонтьев, «доставивший» посольство в Россию, вместо взбучки за самовольные действия, удостоился ордена Св. Владимира IV степени, К.С. Звягин — ордена Станислава III степени. Приезд эфиопского посольства получил широкое и притом благожелательное освещение в российской печати. Ведь это был первый визит в Россию дипломатической миссии из стран Черной Африки.

Леонтьев рассчитывал добиться от правительства поставки в Эфиопию крупной партии оружия, которую обещал Менелику, однако тогда договориться об этом не удалось. Российское правительство решило не раздражать Италию, которая и без того энергично протестовала против приема в России посольства Эфиопии, которую Рим считал уже своим протекторатом. Лишь перед самым отъездом миссии военный министр П.С. Ванновский распорядился передать в дар посольству 135 кавалерийских винтовок системы Бердана [34]. Впрочем, Дамто был рад и этому количеству.

Леонтьев сопроводил миссию до Джибути. Возможно, именно там он договорился с французским коммерсантом Л. Шефне о заказе в России для поставки в Эфиопию крупной партии оружия по сниженной цене. Речь шла о 30 тыс. винтовок и 5 млн патронов к ним. Российское военное ведомство согласилось отпустить оружие по минимальной стоимости. Сделка эта была успешно завершена в феврале-марте 1896 г., а за всю партию оружия было уплачено российской казне около 100 тыс. рублей 13.

Вскоре после отъезда посольства итальянцы начали активные наступательные действия на севере Эфиопии. Российское правительство решило взять паузу и посмотреть, чем окончится дело. Как известно, оно кончилось генеральным сражением при Адуа, где итальянская армия генерала О. Баратьери 1 марта 1896 г. потерпела сокрушительное поражение от войск Менелика.

Этот неожиданный для многих разгром европейской армии приковал к Эфиопии внимание всей Европы, а в России, открыто симпатизировавшей эфиопам, вызвал прилив энтузиазма. Спонтанно родилась и сразу стала популярной идея отправить в Эфиопию на помощь раненным воинам отряд Российского общества Красного Креста (РОКК).

Учитывая новые обстоятельства и сильные проэфиопские симпатии в российском обществе, правительство оказало этой инициативе финансовую поддержку, ассигновав на формирование отряда более 100 тыс. рублей. Уже к концу марта отряд РОКК был укомплектован людьми, оборудованием, медикаментами и отбыл из Одессы в Джибути, а 26 мая 1896 г. прибыл в Харэр.

¹² Фитаурари на ранг выше кеньязмача.

¹³ Ранее ошибочно считалось, что первая партия оружия была Россией Менелику подарена. Вновь обнаруженные архивные данные позволили установить, что это не так.

Отряд РОКК проработал в Эфиопии (в Харэре и Аддис-Абебе) около полугода, до октября 1896 г., оказав помощь почти 16 тыс. больных и раненых [35]. Деятельность русских медиков была высоко оценена в Эфиопии. Бескорыстие русских (плату за лечение врачи не брали и лечили равно богатых и бедных), их такт и уважение к местным традициям подготовили благоприятную почву для установления дипломатических отношений между Россией и Эфиопией. В письме Николаю II император Менелик писал, что народ Эфиопии никогда не забудет руку помощи, поданную ему Россией в трудную минуту [36].

Установление дипломатических отношений. Миссия П.М. Власова. Работа в Эфиопии отряда русских врачей, с одной стороны, и возросшая роль Эфиопии в Северо-Восточной Африке, с другой, поставили на повестку дня вопрос об установлении дипломатических отношений с этой африканской страной. К лету 1897 г. он был решен положительно. МИД спешно подыскивал кандидата на пост русского посланника в Аддис-Абебе, остановившись в конце концов на кандидатуре действительного статского советника П.М. Власова, российского генерального консула в Мешхеде (Персия). В сентябре 1897 г. указом Николая II были утверждены штаты и бюджет будущего посольства, и оно отправилось к месту назначения.

В инструкции министерства, врученной П.М. Власову, было указано: «Мы не преследуем в Абиссинии никаких корыстных или меркантильных целей и сочувственно относимся к предприятиям негуса, направленным к усилению его власти внутри и установлению спокойствия и развитию благосостояния в его стране (...) главная и непосредственная задача Ваша заключается в том, чтобы снискать доверие негуса и по возможности охранить его от козней наших политических соперников, в особенности англичан, преследующих в Африке столь честолюбивые хищнические цели...» [37].

В чем же выражалась поддержка Россией независимости Эфиопии? Если говорить о политическом вкладе, то следует, прежде всего, упомянуть о разъяснениях, советах и рекомендациях, которые П.М. Власов давал императору Эфиопии касательно нюансов политики различных европейских держав на Африканском континенте и в Эфиопии, в частности. В первые годы Менелик прибегал к советам русского посланника довольно часто, Власов пользовался у него авторитетом. Он был старше по возрасту и чину всех прочих европейских дипломатов в Эфиопии. Позже, набравшись политического опыта, негус уже справлялся самостоятельно, умело играя на противоречиях своих ближайших колониальных соседей – Великобритании, Франции и Италии.

Положение влиятельного советчика и в даже определенном смысле арбитра между императором Менеликом и дипломатическими представителями европейских держав, имеющих непосредственные интересы в Эфиопии, давало российскому посланнику определенные преимущества. Не имея прямых интересов в Эфиопии, т.е. интересов колониальных, торгово-промышленных и прочих, Россия могла использовать свое влияние на правителя страны против своих политических противников в Европе, прежде всего, Великобритании.

Впрочем, одними советами дело не ограничивалось. Высокую оценку Менелика II получила деятельность русских офицеров, состоявших для особых поручений при посольстве России в Эфиопии – А.К. Булатовича, Л.К. Артамонова, Г.Г. Черткова. По просьбе императора и с согласия посланника они были прикомандированы в 1898 г. к эфиопским армиям, которым Менелик поставил задачу выйти на западные и юго-западные границы страны, чтобы фактически утвердить принадлежность этих земель Эфиопии и оградить их от возможного захвата европейскими колонизаторами. Участие русских офицеров в этих походах не только дало возможность удостоверить присоединение данных областей к Эфиопии, но и в ряде случаев реально помогало обеспечить успех всей кампании. В частности,

поручик А.К. Булатович, идя в авангарде армии Вальде Гийоргиса, в буквальном смысле лично вывел ее к озеру Рудольфа, определенному Менеликом в качестве конечного пункта этого похода. Дело в том, что в то время эфиопские военачальники еще не умели точно определять географические координаты своего местонахождения.

Попутно русскими офицерами составлялись карты пройденных земель, которые потом служили Менелику доказательством их несомненной принадлежности Эфиопии.

Нельзя не упомянуть и о медицинской помощи. Вместе с миссией Власова в Эфиопию прибыло несколько врачей, и практически сразу, в феврале 1898 г., в Аддис-Абебе был развернут русский госпиталь, вскоре ставший стационарным. В 1899 г. для него, по приказу Менелика, было выстроено каменное здание. В целом русский госпиталь проработал в Эфиопии почти десять лет, до начала 1907 г.

Отдельная тема — поставки в Эфиопию российского оружия. Таких поставок было не менее трех (возможно и больше), причем вторая поставка, в октябре 1897 г. (30 тыс. винтовок и 3 млн патронов), была даром русского монарха императору Менелику и предназначалась для вновь формируемых частей регулярной эфиопской армии [38]. Следует отметить, что эти поставки проходили не по официальным каналам, а почемуто через поручика запаса Н.С. Леонтьева, имевшего в России хорошие связи в военном министерстве и при дворе. Одно время Леонтьев, принятый в 1897 г. Менеликом к себе на службу, был у него в большом фаворе, получил от негуса высокий чин дэджазмача и довольно успешно конкурировал с Власовым за влияние на императора, что вызвало резкие трения и даже личную вражду между ними на радость западным дипломатам 15.

С 1902 г. русская дипломатическая миссия в Эфиопии стала постоянной (прежде имела статус временной). Новым посланником в Аддис-Абебе в ранге министра-резидента был назначен действительный статский советник К.Н. Лишин¹⁶. Он пытался придать российско-эфиопским отношениям более разносторонний характер, не ограничиваясь лишь политической стороной дела, которая, согласно данной ему инструкции, заключалась в «ограждении независимости и территориальной целостности Абиссинии». Лишин пытался содействовать развитию экономического сотрудничества с этой страной – хлопотал об устройстве русско-эфиопского банка, оказывал поддержку российским предпринимателям. При его активном участии в Эфиопию была откомандирована русская геологическая партия под руководством горного инженера Н.Н. Курмакова, которая, по просьбе Менелика, обследовала принадлежавшие эфиопской казне золотоносные прииски, увеличила на них добычу, усовершенствовала промывку золота и вдобавок обнаружила в Эфиопии залежи платины [39].

При К.Н. Лишине российско-эфиопские отношения достигли своего пика, однако при нем же начался и спад. Причин спада было несколько. Прежде всего, это неудачи России в войне с Японией и последующие внутрироссийские неурядицы, вызванные революцией 1905–1907 гг. Эти события вынудили российское правительство резко сократить свои внешнеполитические амбиции и соответствующую активность. В первую очередь «под нож» попали второстепенные направления внешней политики, и среди них африканское. Ассигнования на содержание посольства в Эфиопии сократились, уровень представительства понижен до поверенного в делах, уменьшен штат и свернуты программы, требующие дополнительного финансирования. В частности, был закрыт русский госпиталь в Аддис-Абебе, что в Эфиопии было воспринято особенно болезненно.

¹⁴ Дэджазмач — эфиопский военно-феодальный титул, один из самых высоких (выше только рас). Вместе с этим титулом Леонтьев временно получил в управление экваториальные провинции Эфиопии.

¹⁵ К 1902 г. Леонтьев утратил доверие негуса из-за начатых им в Европе финансовых махинаций и был удален из Эфиопии без права возвращения.

¹⁶ Фактически прибыл в Эфиопию в марте 1903 г.

Но при этом следует подчеркнуть, что основные принципы российской политики в отношении Эфиопии остались неизменными. Продолжила Россия оказывать поддержку Эфиопии и в важном для нее вопросе возвращения ранее утраченных святых мест в Иерусалиме. Особенно заметную роль играл здесь отставной русский офицер Н.Н. Шедевр, который по просьбе Менелика и при содействии Русского императорского православного палестинского общества (РИППО) занялся поиском в египетских и турецких архивах документов, подтверждающих права эфиопов на церковные владения, строения и земельные участки в Иерусалиме, принадлежавшие им в прошлом, но незаконно присвоенные другими христианскими конфессиями, преимущественно коптами. На основании обнаруженных Шедевром документов и при дипломатической поддержке России эфиопам удалось вернуть себе в 1906 г. монастырь Дейр-эс-Султан. Всего же за почти десять лет работы Шедевр нашел более 18 подлинных владельческих документов, которые он намеревался передать Эфиопии [40].

Незадолго до начала Первой мировой войны в российско-эфиопских отношениях вновь наметилось некоторое оживление. После почти трехлетнего перерыва в Аддис-Абебу был назначен новый поверенный в делах коллежский советник Б.А. Чемерзин. В Эфиопии вновь стали время от времени появляться коммерсанты из России, приезжать русские научные экспедиции. Участником одной из них был известный поэт Николай Гумилев, посещавший Эфиопию дважды — в 1910/11 и в 1913 гг. и посвятивший этой стране обширный цикл стихов.

В 1914 г. готовился визит в Россию эфиопской делегации во главе с одним из самых «прорусских» членов эфиопского правительства Вольде Тсадыком. Важной, но неафишируемой целью этого визита было, по свидетельству Н.Н. Шедевра, намерение просить Россию помочь Эфиопии в возвращении ей прежних владений в Святой земле, права на которые удостоверялись документами, найденными Шедевром. За это Эфиопия готова была уступить России две часовни при Храме Гроба Господня в Иерусалиме [41]. Этот визит не состоялся. Ему помешала начавшаяся в Европе Первая мировая война. Судьба добытых Шедевром документов осталась неизвестной 17.

В октябре 1917 г. российско-эфиопские отношения де-юре были прерваны, хотя еще на протяжении двух лет русское посольство в Аддис-Абебе продолжало де-факто работать, подчиняясь т.н. русскому правительству в эмиграции (белогвардейскому). Но в 1919 г. оно окончательно закрылось. Последний российский поверенный в делах Н.И. Виноградов уехал во Францию, забрав наиболее ценную часть архива, а остальные бумаги посольства уничтожив.

Новая страница в отношениях двух стран, уже между Эфиопией и СССР, открылась в 1943 г., но их пик пришелся на 1970-е и начало 1980-х гг. Однако это уже совершенно другая история, которая требует отдельного рассказа.

источники

- 1. Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ), ф. Сношения России с Турцией, оп. 89/I, 1751, д. 4, лл. 530–531об.
- 2. АВПРИ, ф. Сношения России с Турцией, оп. 89/І, 1751, д. 4, лл. 525–528об.
- 3. См.: *Российско-эфиопские отношения в XIX начале XX в. Сборник документов*, М., «Восточная литература» РАН, 1998, с. 52–62.
- 4. АВПРИ, ф. Политархив, д. 138, л. 13–13 об.

¹⁷ Н.Н. Шедевр умер при загадочных обстоятельствах в отеле Могилева накануне своей аудиенции с Николаем II в ноябре 1915 г., которому должен был показать найденные документы.

- 5. АВПРИ, д. 2053, л. 29 об. Возможно, эти письма до России не дошли, т.к. в российских архивах пока не обнаружено писем Теодроса II.
- 6. Cheslaw Jesman. The early Russian contacts with Ethiopia: 3d International Conference of Ethiopians studies. Addis Ababa, 1966, c. 11.
- 7. АВПРИ, ф. Политархив, д. 2053, л. 29 об.
- 8. АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 1999, л. 88–89об.
- 9. АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2030/1, лл. 2-3.
- 10. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ), ф. 102, д. 598, т. 1, л. 37.
- 11. «Ашинов Николай Иванович, почетный атаман круга казачьей вольницы. Прошение в Синод о посылке в Абиссинию православных священников (15 марта 1887 г.)». Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, ф. 377, ед. хр. 3787.
- 12. АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2030/1, л. 7.
- 13. Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА), ф. 400, оп. 1, д. 2139, л. 152.
- 14. РГВИА, ф. 401, оп. 4, д. 56, л. 8.
- 15. АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2030/1, лл. 20-21.
- 16. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ), ф. 102, д. 598, т. 1, л. 386.
- 17. АВПРИ, ф. Генеральное консульство в Египте, оп. 820, д. 121, лл. 72 об. –73.
- 18. АВПРИ, ф. Политархив, д. 2005, л. 27.
- 19. АВПРИ. ф. Политархив, д. 2008, л. 55.
- 20. Russia and Black Africa before World War II. Ed. T. Wilson. Holmes & Meier Publishers, Нью-Йорк–Лондон, 1974, с. 43.
- 21. АВПРИ. ф. Политархив, д. 2008, лл. 144–145.
- 22. АВПРИ. ф. Политархив, оп. 482, д. 2003, лл. 54–56
- 23. АВПРИ. ф. Политархив, оп. 482, д. 2009, л. 24.
- 24. Prouty Chris. *Empress Taytu and Menilek II. Ethiopia.* 1883–1910. Trenton, The Red Sea Press, 1986, c. 106.
- 25. Хренков А.В. *Россия и Эфиопия: история отношений от Петра I до Николая II.* М., 2022, с. 72.
- 26. Prouty Chris. *Empress Taytu and Menilek II. Ethiopia. 1883–1910.* Trenton, The Red Sea Press, 1986, c. 121.
- 27. РГВИА, ф. ВУА, кол. 452, д. 30, лл. 12–13.
- 28. РГВИА, ф. ВУА, кол. 452, д. 29, лл. 11–11 об.
- 29. АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2012, л. 69.
- 30. Хренков А.В. *Россия и Эфиопия: история отношений от Петра I до Николая II.* М., 2022, с. 78.
- 31. РГВИА, ф. ВУА, кол. 452, д. 30, лл. 18 об. 19 об.
- 32. Prouty Ch., *Empress Taytu and Menilek II. Ethiopia. 1883–1910.* Trenton, The Red Sea Press, 1986, c.122.
- 33. Prouty Ch., *Empress Taytu and Menilek II. Ethiopia.* 1883–1910. Trenton, The Red Sea Press, 1986, c. 125.
- 34. Prouty Ch., *Empress Taytu and Menilek II. Ethiopia. 1883–1910.* Trenton, The Red Sea Press, 1986, c. 129.
- 35. АВПРИ. ф. Канцелярия, оп. 470, д. 159, лл. 84–91.
- 36. *Российско-эфиопские отношения в XIX начале XX в. Сборник документов*, М., «Восточная литература» РАН, 1998, с. 222.
- 37. *Российско-эфиопские отношения в XIX начале XX в. Сборник документов*, М., «Восточная литература» РАН, 1998, док. № 79, с. 247–250.
- 38. АВПРИ, ф. Турецкий стол (новый), опись 502 (б) д. 6147, л. 94.
- 39. Хренков А.В. *Россия и Эфиопия: история отношений от Петра I до Николая II.* М., 2022, с. 145–147.
- 40. Хренков А.В. Россия и Эфиопия: история отношений от Петра I до Николая II. М., 2022, с. 181.
- 41. Архив Института Востоковедения (С.-Петербург), разряд III, оп. 1, д. 34, лл. 152–153.

RUSSIAN-ETHIOPIAN RELATIONS: FROM THE ORIGIN TO THE MATURITY

© 2023 Andrey Khrenkov

KHRENKOV Andrey V., PhD (History), former diplomat, Counsellor of Russian MoFA, e-mail: andhorse59@yandex.ru

Abstract. The article talks about the preconditions, the first steps and the formation of Russian-Ethiopian relations. It considers the driving causes for the rapprochement between Russia and Ethiopia. The nature, main directions of cooperation and specific features of these relations in different periods of history are analyzed in it. The article also reveals the role of individuals who left the most noticeable mark in Russian-Ethiopian relations.

Keywords: Russia, Abyssinia, Ethiopia, diplomatic relations

DOI: 10.31132/2412-5717-2023-64-3-93-109

REFERENCES

Khrenkov A.V. Russia and Ethiopia: the History of Relations from Peter I to Nicolas II. Moscow. 2022. (in Russian).

Ch. Jesman. Russians in Ethiopia (or essay in futility). London, Chatto and Windus, 1958.

Cheslaw Jesman. The early Russian contacts with Ethiopia: 3^d International Conference of Ethiopians studies. Addis Ababa, 1966.

Chris Prouty. *Empress Taytu and Menelik II. Ethiopia. 1883–1910*. Trenton: The Red Sea Press. 1986. Russia and Black Africa before World War II. Ed.T. Wilson. Holmes & Meier Publishers, New York&London, 1979.

Foreign Policy Archive of the Russian Empire (AVPRI), f. Snoshenia Rossii s Turtsiey, inv. 89/I, file 4.

Foreign Policy Archive of the Russian Empire (AVPRI), f. Politarkhiv, files: 138, 1999, 2003, 2005, 2008, 2009; 2012, 2030/I, 2053;

Foreign Policy Archive of the Russian Empire (AVPRI), f. Kantseliaria, inv. 470, file 159.

Foreign Policy Archive of the Russian Empire (AVPRI), f. Generalnoe Consulstvo v Egipte, inv. 820, file 121.

Foreign Policy Archive of the Russian Empire (AVPRI), f. Turetskiy Stol (noviy), inv. 502 (b), file 6147.

Russian-Ethiopian Relations. Collection of documents. Moscow. "Vostochnaya Literatura", RAN, 1998. (in Russian).

State Archive of the Russian Federation (GARF), f. 102, file 598.

The Russian State Military Historical Archive (RGVIA), f. 400, inv. 1, file 2139; f. VUA, coll. 452, files: 29, 30.